Vengerov, Semen Afanas'evich
Russkaia literatura

UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00273424 2

PG
2945
V45

Purchased for the

LIBRARY *of the*

UNIVERSITY OF TORONTO

from the

KATHLEEN MADILL BEQUEST

Проф. С. А. ВЕНГЕРОВЪ.

ССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ СРЕДНЕЙ
КОЛѢ, КАКЪ ИСТОЧНИКЪ ИДЕАЛИЗМА.

ь, произнесенная 27-го декабря 1916 г. въ Москвѣ на
ытіи перваго всероссійскаго съѣзда преподавателей
русскаго языка и словесности.

КН-ВО „ПРОМЕТЕЙ"
Н. Н. МИХАЙЛОВА.

Историко-литературный сборникъ, *первое изданіе*—6 томовъ. (Спб. 1886—1904), ц. I т. 5 р. 25 к. (*отдѣльно не продается*). П т. 2 р. 25 к., остальные по 2 р. 50 к.

Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ. *Второе,* совершенно переработанное, иллюстрированное изданіе. Петроградъ (1915—17). Вышло 5 выпусковъ, ц. вып. 3 р.

Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго. Подъ редакціей и съ примѣчаніями *С. А. Венгерова.* Вышло 11 томовъ, ц. тт. съ I по X—2 р. 25 к., XI тома 3 р.

Эпоха Бѣлинскаго. Общій очеркъ. Публичная лекція (Библіотека „Свѣточа", № 3). Спб. 1905, ц. 20 к. Изд. 2-е. Петроградъ 1915, ц. 30 к.

В. Г. Бѣлинскій. Письмо къ Гоголю. Съ предисловіемъ *С. А. Венгерова.* (Библіотека „Свѣточа", № 2). Спб. 1905, ц. 10 к. (Распродано. Вошло во П т. соч. С. А. Венгерова).

Очерки по исторіи русской литературы. 2-е изданіе, безъ перемѣнъ. Спб. 1907, ц. 2 р. 50 к. (*Распродано*).

Въ чемъ очарованіе русской литературы. Рѣчь, сказанная въ Москвѣ 22 окт. 1911 г. на празднованіи 100-лѣтн. юбилея Общ. Любителей Рос. Словесности. Спб. 1912, ц. 15 к.

Пушкинистъ. Историко-литературный сборникъ, подъ ред. *С. А. Венгерова.* Т. I. Спб. 1914, ц. 1 р. 25 к. Т. П. Петроградъ. 1916. ц. 1 р. 75 к.

Литература XX вѣка (1890—1910), подъ ред. *С. А. Венгерова.* Съ роскошно исполненными портретами и литографіями. М. Изд. т-ва „Міръ". Составитъ около 12—14 книгъ въ 7—8 листовъ. Вышло 7 книгъ (1914—17). При подпискѣ уплачивается 2 р., при полученіи каждой книги 1 р. 60 к.

Vengerov, Semen Afanas'evich

Проф. С. А. ВЕНГЕРОВЪ.

Russkaia literatura v sredneĭ shkolĕ

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ СРЕДНЕЙ ШКОЛѢ, КАКЪ ИСТОЧНИКЪ ИДЕАЛИЗМА.

Рѣчь, произнесенная 27-го декабря 1916 г. въ Москвѣ на открытіи перваго всероссійскаго съѣзда преподавателей русскаго языка и словесности.

КН-ВО „ПРОМЕТЕЙ“
Н. Н. МИХАЙЛОВА.

PG
2945
V45

Петроградъ, дозволено военной цензурой 3 февраля 1917 г. за № 692.

Типографія „Печатный Трудъ“, Петроградъ, Разъѣзжая 43.

Русская литература въ средней школѣ, какъ источникъ идеализма.

Что такое преподаваніе исторіи литературы: источникъ опредѣленныхъ знаній или же, какъ это представляется мнѣ, значеніе его воспитательное по преимуществу, и оно является источникомъ облагораживающаго юношество идеализма?

Для уясненія этого основного вопроса надо провести рѣзкую разграничительную черту между всѣмъ вообще преподаваніемъ въ средней школѣ и долженствующимъ носить совсѣмъ особый характеръ преподаваніемъ исторіи русской литературы. А въ самомъ изученіи русской литературы тоже нужно установить двѣ части, весьма мало похожія другъ на друга и по матеріалу, и по пріемамъ, и по воспитательному значенію.

Лѣтъ 40 тому назадъ шли оживленные споры на тему: умъ и чувство, какъ факторы прогресса. Въ параллель этому можно поставить вопросъ: умъ и чувство, какъ факторы средняго образованія. Но только нѣтъ надобности изъ этого дѣлать споръ, что важнѣе —умъ или чувство. Равно важно обогащать и умъ, и

чувство. А нужно только опредѣленно раздѣлить кругъ изучаемыхъ въ школѣ предметовъ на такіе, которые питаютъ умъ учащагося, и такіе, которые воспитываютъ его чувство, и, соотвѣтственно такому раздѣленію, вести преподаваніе.

Что должно развивать преподаваніе исторіи русской литературы: умъ или чувство?

Для этого, какъ я уже сейчасъ сказалъ, надо выдѣлить двѣ части, весьма мало похожія другъ на друга: исторію древней литературы, которая, собственно, есть только исторія русской письменности, и исторію того періода, когда въ русскую „словесность“ входитъ элементъ художественный, т.-е. нѣчто, требующее не только „изученія“, но и постиженія; нѣчто, требующее развитія вкуса, т.-е. свойства вполнѣ интуитивнаго.

Конечно, только по недоразумѣнію и только по отжившей свой вѣкъ и безусловно вредной рутинѣ можно считать исторію русской литературы единой научной дисциплиной. Въ университетскомъ преподаваніи старая *номенклатура* еще держится прочно. Еще не устранено даже звучащее теперь столь архаически наименованіе „каѳедра русскаго *языка* и словесности“, отзывающееся временами младенческаго и диллетантскаго состоянія нашего языкознанія. Точно есть еще хотя бы одинъ профессоръ, который одновременно былъ-бы сколько-нибудь авторитетенъ и какъ языковѣдъ, и какъ историкъ литературы.

Проектъ новаго университетскаго устава, слава Богу, уже отдѣлилъ огромную и сложную область исторіи русскаго языка отъ исторіи русской литературы и создаетъ для нея особую каѳедру. Но еще крѣпко держится на бумагѣ, по крайней мѣрѣ, вся совокупность исторіи русской литературы, какъ единаго предмета университетскаго преподаванія, хотя и тутъ можно поставить тотъ

же вопросъ, какъ и по отношенію къ насильственно соединенной воедино каѳедрѣ языка и литературы: есть ли хотя-бы одинъ профессоръ-энциклопедистъ, который одинаково былъ-бы авторитетенъ и какъ знатокъ древняго періода, и какъ человѣкъ, стоящій высоко какъ толкователь и изслѣдователь художественнаго періода русскаго слова?

Жизнь, однако, идетъ дальше бумаги, и на практикѣ университетскіе преподаватели своими курсами сами себя раздѣлили на два стана: спеціалистовъ по допетровской литературѣ и людей, посвятившихъ себя литературѣ позднѣйшей. Одинъ кругъ знаній и навыковъ нуженъ для изслѣдователей древней литературы и совершенно иной для изучающихъ XVIII и XIX в. Одна категорія научныхъ способностей и научной вдумчивости нужна для изслѣдованія лѣтописей и житій святыхъ, и совсѣмъ иная для изученія Пушкина. Одна категорія душевнаго сліянія изслѣдователя съ изслѣдуемой областью знанія при изученіи переписки Іоанна Грознаго съ Курбскимъ, и совсѣмъ иная для уразумѣнія душевной тревоги Достоевскаго и Толстого. Исторія древней русской литературы — наука точная, приходящая къ опредѣленнымъ выводамъ: это, собственно говоря, археологія. Исторія литературы XIX вѣка—заманчивая и чарующая сфера художественныхъ и моральныхъ переживаній, цѣликомъ входящая въ многосложную область интересовъ философскихъ, религіозныхъ, эстетическихъ, общественно-политическихъ. Здѣсь научность, кромѣ, конечно, накопленія точно установленныхъ фактовъ, можетъ выразиться только въ строго-критическомъ отношеніи къ веденію изслѣдованія и въ стремленіи къ обобщенію и классификаціи. Тѣснѣйшимъ образомъ изученіе исторіи литературы XIX в. примыкаетъ къ столь неопредѣленной

области литературной критики и практической эстетики. Разница только въ томъ, что критикъ вправѣ предъявлять свои субъективныя требованія, потому что имѣетъ дѣло съ литературными теченіями и настроеніями въ моментъ ихъ становленія, когда они еще не отлились въ опредѣленныя формы и еще способны измѣняться. А историкъ литературы имѣетъ дѣло съ формами, уже окончательно кристаллизовавшимися и потому никакихъ требованій къ прошедшему не предъявляетъ и лишь констатируетъ и анализируетъ.

Что важнѣе въ общемъ комплексѣ изученія всей русской литературы — археологическая ея часть или художественно-литературная?

По отношенію къ преподаванію университетскому тутъ не можетъ быть двухъ мнѣній. Археологическій періодъ русской словесности, какъ источникъ пониманія всей вообще исторіи русской культуры, конечно, имѣетъ огромное научное значеніе. И поэтому изученіе его—одна изъ основныхъ задачъ историко-филологическаго факультета, хотя, увы, съ горечью приходится констатировать, что все менѣе и менѣе привлекаетъ теперь древній періодъ университетскую молодежь, увлеченную почти поголовно очарованіемъ пушкинскаго и послѣпушкинскаго періода.

Но средняя школа имѣетъ свои особыя задачи. Она готовитъ не спеціалиста, а, такъ сказать, общечеловѣка и притомъ даетъ багажъ на всю остальную жизнь, потому что снабжаетъ такими духовными цѣнностями, которыхъ высшая школа, всегда спеціальная, своимъ питомцамъ уже не даетъ.

И разъ это такъ, разъ средняя школа подготовляетъ не спеціалистовъ-словесниковъ, а просто образованныхъ людей, то вся археологическая часть исторіи русской литературы должна непремѣнно отойти на второй

планъ. И, напротивъ того, вся педагогическая энергія должна сосредоточиться на томъ, чтобы великія сокровища русской художественной литературы были бы усвоены въ наибольшей полнотѣ.

А дѣлается у насъ наоборотъ. Именно древній періодъ и мирный, не возбуждающій никакихъ тревогъ, вѣкъ Ломоносова и Державина составляетъ главный предметъ педагогическихъ стараній. И только нехотя изучается та трепетная и ослѣпительно блестящая полоса, по отношенію къ которой все предыдущее кажется, какъ въ исторіи живописи эпохи Возрожденія, какимъ-то собраніемъ наивныхъ примитивовъ. Что можетъ быть несообразнѣе такого, до недавняго времени безусловно намѣреннаго пренебреженія къ величайшему національному достоянію нашему?

Я уже такъ давно и такъ настойчиво говорю въ своихъ писаніяхъ о высокомъ своеобразіи и очарованіи именно русской литературы XIX вѣка, о ея исключительно-рѣшающемъ значеніи въ ходѣ русскаго просвѣщенія, о томъ, что именно новая русская литература есть то центральное проявленіе русскаго духа, которое поставило насъ на одну доску съ великими культурными народами Запада, что мнѣ сейчасъ совсѣмъ не хочется останавливаться на этомъ. Сошлюсь просто на свою книгу о „Героическомъ характерѣ русской литературы“ и на свою брошюру „Въ чемъ очарованіе русской литературы XIX вѣка“. А сейчасъ ограничусь выраженіемъ самаго горестнаго чувства по поводу того, что и университетское, и гимназическое преподаваніе такъ мало проникнуты сознаніемъ, что ни въ чемъ такъ ярко и полно не сказался русскій національный геній, какъ въ русской литературѣ XIX вѣка. И я ставлю, какъ основной свой тезисъ, что, во всякомъ случаѣ, въ средней школѣ рѣшительно должно

быть произведено перемѣщеніе центра тяжести. Чтобы говорить конкретно, скажу, что не менѣе $^2/_3$ всего курса преподаванія исторіи русской литературы въ средней школѣ должны быть отданы отчетливому усвоенію именно литературы XIX вѣка.

Въ связи съ этимъ главнымъ тезисомъ органически связаны дальнѣйшіе мои тезисы, обусловленные природою того, что составляетъ самую сущность содержанія литературы XIX вѣка и особенно второй ея половины. Тутъ вѣдь все отъ чувства и порыва, все отъ тоски всяческой: и по небесной родинѣ, и по насажденію справедливости на землѣ; все отъ исканія красоты всяческой: и художественной и нравственной.

И всю эту тоску и красоту можно только *перечувствовать*. И потому слѣдующій мой тезисъ такой: никакого „изученія“ въ обычномъ смыслѣ въ преподаваніи русской литературы XIX вѣка не должно быть. Важно только хронологически систематизированное и обильнѣйшее *чтеніе* учениками подъ руководствомъ учителя избранныхъ произведеній русскихъ писателей, новѣйшихъ не исключая, и притомъ безъ всякаго обязательнаго катехизированія. Ученикамъ—читать, читать и читать дома, а потомъ учителю бесѣдовать въ классѣ по поводу прочитаннаго и вызывать самодѣятельность литературнаго сознанія. Не должно быть ничего обязательнаго въ истолкованіи художественныхъ произведеній, ибо всякое истинно-художественное произведеніе многогранно, какъ многогранна жизнь и съ разныхъ точекъ зрѣнія можно къ ней подходить. И всякая точка зрѣнія вѣрна, лишь бы она была цѣльная и послѣдовательная.

Будить мысль и, обильнымъ чтеніемъ хорошихъ произведеній, развивать хорошій вкусъ—вотъ основная задача преподаванія русской литературы XIX вѣка.

Слѣдить за тѣмъ, чтобы великіе и просто достойные русскіе писатели были прочтены съ должнымъ вниманіемъ—вотъ вся контролирующая роль учителя русской словесности въ формирующихъ вчерашнюю на всю жизнь 7 и 8 классахъ. И тогда часы, отведенные на русскую словесность, станутъ праздникомъ, а не тягостнымъ урокомъ, а учитель—другомъ, воспитателемъ и руководителемъ лучшихъ порываній молодости.

Я все время оперирую съ терминомъ „литература XIX столѣтія“ безъ точныхъ хронологическихъ границъ. А теперь спѣшу прибавить, что понимаю слова „XIX в.“ весьма длительно: не только до самаго конца вѣка, но и захватывая начало XX вѣка. Опредѣленно предвижу возраженія даже со стороны тѣхъ, которые вообще согласны относительно того, что литература XIX в. должна занять первенствующее положеніе въ гимназическомъ преподаваніи. И все же я утверждаю, что въ моемъ требованіи довести изученіе литературы до самаго послѣдняго ея момента, скажемъ даже до сегодняшняго дня, нѣтъ никакой чрезмѣрной погони за литературной злободневностью. Ибо я позволю себѣ апеллировать къ временамъ, которыхъ вы ни въ какихъ ересяхъ, ни въ какихъ „неблагонадежностяхъ“ не заподозрите: къ временамъ Дмитрія Толстого, и, еще того разительнѣе, къ временамъ николаевскаго режима. Чего уже минимально-еретичнѣе и благонадежнѣе!

И, оказывается, что тогда ни мало не чурались сегодняшняго дня, и было опредѣленное стремленіе выпускать учениковъ изъ средней школы во всеоружіи послѣдняго слова литературнаго движенія.

Про гимназію временъ Дмитрія Толстого я могу разсказать по собственнымъ воспоминаніямъ. Я учился съ 1869 до 1872 года у консервативнѣйшаго словесника

Н. Ф. Соколова, который мнѣ, получавшему у него всегда 5 за сочиненія, поставилъ 2 за вольнодумство, когда я, сравнивая изложеніе одного эпизода русской исторіи по Карамзину и Соловьеву, отдалъ предпочтеніе изложенію Соловьева, тогда еще не канонизированнаго классика русской исторіографіи. И вотъ этотъ-то консервативнѣйшій человѣкъ какія свѣжія темы намъ давалъ! Не буду уже говорить объ „Обломовѣ“, которому тогда литературнаго житія было только 10 лѣтъ, меньше, значитъ, чѣмъ въ наши дни чеховскому „Вишневому саду“, и котораго мы изучали основательнѣйшимъ образомъ. Но мы въ 1870 году писали сочиненія о „Войнѣ и мирѣ“, вышедшихъ всего два года тому назадъ—въ 1868 году. И этотъ же консервативнѣйшій Н. Ф. Соколовъ заставлялъ насъ учить наизусть некрасовскихъ „Крестьянскихъ дѣтей“, напечатанныхъ въ срединѣ 60-хъ годовъ въ опальнѣйшемъ и закрытомъ по Высочайшему повелѣнію „Современникѣ“.

Такъ велика была литературная злободневность въ первомъ періодѣ толстовскихъ гимназій. И еще, можетъ быть, больше она была раньше. Въ 1846 г. вышелъ учебникъ извѣстнаго въ свое время педагога казеннѣйшаго типа—Плаксина, и въ немъ имѣется похвала „Мертвымъ душамъ“, вышедшимъ 4 года тому назадъ. Но, пожалуй, всего изумительнѣе *оффиціальный учебникъ* по русской литературѣ, издававшійся въ то время министерствомъ народнаго просвѣщенія. Въ моей библіотекѣ 4-е изданіе, относящееся къ 1856 г., и въ немъ говорится о вышедшихъ въ 1852 г. „Запискахъ охотника“ Тургенева, за пропускъ которыхъ 4 года тому назадъ цензоръ кн. Львовъ лишился мѣста!

Отчужденіе отъ современной литературы началось только въ 70-хъ годахъ, въ приснопамятный второй

періодъ печальнаго министерства Дмитрія Толстого, когда все было направлено къ тому, чтобы затемнить и притупить душевную жизнь гимназическаго юношества, и когда другой мой учитель — чехъ Шрамекъ составилъ себѣ карьеру тѣмъ, что демонстративно выбросилъ изъ библіотеки новгородской гимназіи Бѣлинскаго.

Пора порвать съ этимъ печальнымъ наслѣдіемъ толстовскаго мракобѣсія. Пора перестать игнорировать литературу послѣднихъ тридцати лѣтъ — въ ней настоящія литературныя цѣнности. День ото дня все больше растетъ въ общемъ сознаніи Чеховъ. Этотъ нѣкогда „дофинъ“ великихъ писателей нашихъ уже безусловно перешелъ всецѣло въ разрядъ великихъ писателей. А его нѣтъ въ школѣ, ни въ формѣ изученія систематическаго, ни въ формѣ темъ для сочиненій. Давно вышелъ изъ тѣсныхъ рамокъ партійной извѣстности и давно сталъ любимцемъ всероссійскимъ самый уважаемый изъ нынѣ живущихъ писателей нашихъ — Короленко. А Горькій? Чтобы не касаться старыхъ превосходныхъ вещей его, развѣ не имѣло вотъ только что всероссійскій успѣхъ въ критикѣ всѣхъ направленій, „Новаго Времени“ не исключая, его превосходное „Дѣтство“, вполнѣ достойное того, чтобы его изучали съ неменьшимъ вниманіемъ, чѣмъ классическіе „Дѣтскіе годы“ Сергѣя Аксакова. А мало ли еще есть замѣчательныхъ писателей, выдвинувшихся въ послѣдніе 30 — 40 лѣтъ и школѣ чуждыхъ. Почему ее не знакомятъ съ благороднымъ Гаршинымъ, со схимникомъ русскаго народничества даровитѣйшимъ Глѣбомъ Успенскимъ? А изъ писателей нашихъ дней, развѣ не дали бы высокихъ темъ для классныхъ бесѣдъ поэтичный, нѣжный Зайцевъ, тонкій Бунинъ, хотя бы по поводу его послѣдняго, всѣхъ восхитившаго разсказа „Господинъ изъ

Санъ-Франциско", замѣчательная, при всѣхъ своихъ чисто-художественныхъ недочетахъ, трилогія Мережковскаго, лучшіе изъ разсказовъ Леонида Андреева и Куприна? А въ области поэзіи сколько превосходныхъ стихотвореній у главарей модернизма: Бальмонта, Брюсова, Минскаго, Блока, изъ поэтовъ некрасовской школы—у Якубовича и Надсона. И все это остается внѣ школы и компетентнаго руководства. Почему ученики 7-го и 8-го классовъ, обыкновенно набрасывающіеся на всякое почему-либо прогремѣвшее имя, не должны получить надлежащихъ указаній и разъясненій отъ естественнаго руководителя своего ознакомленія съ родною литературою?

Я предвижу два возраженія. Мнѣ скажутъ, что мой списокъ того, что ученикъ долженъ прочесть, очень великъ, что я назвалъ цѣлую многотомную библіотеку, пожалуй, около 100 томовъ; ученику съ ними не справиться. А затѣмъ мнѣ скажутъ, что я очень усложняю обязанности учителя русской словесности.

На первое возраженіе, думается, совсѣмъ легко отвѣтить. Развѣ это такъ трудно въ три года пребыванія въ 6, 7 и 8 классахъ прочитать даже 100 томовъ, по 1 тому въ 10 дней? Вѣдь то, что я предлагаю ученикамъ прочитать, захватывающе-интересно. Вы только наладьте и организуйте систематическое чтеніе и вы, не совершая никакого педагогическаго насилія, создадите органическую привычку къ хорошему чтенію. Не забудемте еще одной огромной выгоды такого, утверждаю, сладостно-принудительнаго чтенія. У гимназиста времени немного, и если вы все его время займете Тургеневымъ, Достоевскимъ, Толстымъ, Островскимъ, Чеховымъ и остальными представителями избраннаго списка русскихъ писателей, вы — если не всю молодежь, то, несомнѣнно, значительную часть ея,—отвле-

чете отъ Вербицкой, порнографовъ и всякой другой дребедени, отравляющей душу молодежи только потому, что нѣтъ заботы о правильной организаціи чтенія юношества нашего. И потому, да истребится въ корнѣ пагубнѣйшая привычка средней школы изучать писателей по хрестоматіямъ, и пусть приложится она непосредственно къ самымъ родникамъ русскаго художественнаго слова, чтобы жадно пить изъ нихъ полною чашею.

Что касается того, что повышенное требованіе отъ учениковъ взваливаетъ много заботы и работы на рамена учителя русской словесности, то отрицать этого я не намѣренъ. Но, господа, position oblige. Очень уже высоко стоитъ по существу своему званіе учителя русской словесности. Мнѣ представляется, что учитель русской словесности это не кто-нибудь, это аккредитованный при россійскомъ юношествѣ полномочный министръ и посланникъ ея величества великой и героической русской литературы. Онъ поэтому не только преподаватель. Преподаватель математики, физики, географіи, грамматики, даже исторіи, какъ это ни печально само по себѣ, можетъ быть даже пошлякомъ, нравственнымъ ничтожествомъ и все-таки быть хорошимъ передатчикомъ точныхъ знаній. А настоящій учитель словесности долженъ имѣть въ душѣ своей искру Божью, долженъ быть знаменоносцемъ, долженъ затрагивать лучшія струны чуткой юношеской воспріимчивости. Нельзя объяснять Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Толстого, Достоевскаго, не имѣя чего-то созвучнаго въ собственной душѣ своей. Нельзя выяснять высокое значеніе героическаго характера русской литературы, не преклоняясь самому передъ героическими порывами. Нельзя объяснить значеніе пламенныхъ исканій Бѣлинскаго и его литературнаго потомства, не

зажигаясь самому отъ этого пламени. Нельзя изобразить психологію поколѣнія 70-хъ годовъ, не преклоняясь самому предъ тою задачею, которую себѣ это поколѣніе ставило, и которую Михайловскій опредѣлялъ такъ: „какъ мнѣ жить, чтобы святу быть". И нельзя вообще передать общій духъ тревоги и исканія, въ которой главный источникъ очарованія русской литературы, не нося въ самомъ себѣ хоть частичку этой тревоги.

По другому поводу пришлось мнѣ недавно коснуться того, что въ наши страшные дни, когда кошмарная дѣйствительность создала такую потребность въ рыцаряхъ меча, должны быть приложены особенно настоятельныя старанія, чтобы не ослабѣло *рыцарство духа*. Ходъ событій снова выдвигаетъ на передовую позицію исторической арены великую русскую интеллигенцію, снова ей предстоитъ рѣшающая роль въ устроеніи родины. И какъ ни сложатся событія, предстоитъ огромная культурная работа для возрожденія Россіи. Духъ захватываетъ при мысли о томъ, свидѣтелями какого культурнаго подъема мы будемъ, когда сознавшая свою внутреннюю мощь Россія, освободивъ себя отъ гангрены милитаризма, получитъ возможность тратить свои милліарды не на пушки, а на народныя школы и другія культурныя начинанія. И для этой то святой работы и нужны намъ теперь рыцари духа, и готовиться къ ней нужно и подъ неумолкающій грохотъ военной грозы.

И я ставлю вопросъ такъ:

Какой лучшій путь для выработки въ себѣ рыцарства духа можно указать, какъ не тѣснѣйшее духовное общеніе съ великими представителями русской литературы, какъ не проникновеніе ея великими идеалами? Свѣточи нашей литературы—благородная гармонія Пуш-

кина, мятежный титанизмъ Лермонтова, горькій смѣхъ Гоголя, святое безпокойство Бѣлинскаго и всего огромнаго литературнаго потомства его, проникновенный отказъ Достоевскаго пріять міръ, если онъ не основанъ на справедливости, рыданіе Некрасова, немеркнущее сіяніе тревожныхъ исканій Толстого, вся состоящая изъ самопожертвованія психологія русскаго народничества, творческая тоска Чехова, наконецъ, даже знаменательное преодолѣніе въ модернизмѣ первоначальнаго аморализма его и превращенія въ богоискательство—какіе это родники кристальной чистоты и духовной мощи. Приложившись къ нимъ, мы и становимся тѣми рыцарями духа, въ которыхъ Россія теперь нуждается болѣе, чѣмъ когда-либо.

И если преподаваніе русской литературы поведетъ русское юношество къ этой великой цѣли, то и величайшая ему будетъ слава.

КН-ВО „ПРОМЕТЕЙ", ПЕТРОГРАДЪ,
Поварской, 10.

ЧЕГО ЖДЕТЪ РОССІЯ ОТЪ ВОЙНЫ.

Сборникъ статей, спеціально написанныхъ для настоящаго сборника. **М. И. Туганъ-Барановскій.**—Война и народное хозяйство. **М. И. Фридманъ.**—Война и финансы. **П. Н. Милюковъ.**—Территоріальныя пріобрѣтенія Россіи. **А. И. Шингаревъ.**—Земская и городская Россія и др. **Ц. 1 р. 25 к.**

ЧЕГО ЖДЕТЪ ГЕРМАНІЯ ОТЪ ВОЙНЫ.

Бесѣды съ германскими общественными дѣятелями: Либкнехтомъ, министр. Дельбрюкомъ, Шиманомъ. Т. и др.
Ц. 1 р. 25 к.

СТАРАЯ ТУРЦІЯ И МЛАДОТУРКИ.

Годъ въ Константинополѣ.—**Аріадна Тыркова. Ц. 2 р.**

Проф. А. Шенвертъ.

СПУТНИКЪ ПОЛЕВОГО ВРАЧА.

Съ предисловіемъ академика В. М. БЕХТЕРЕВА.

Цѣна въ переплетѣ 2 руб., съ пересылкой 2 руб. 32 коп.

Изъ предисловія В. М. Бехтерева: Книжка проф. Шенверта была издана въ Мюнхенѣ въ періодъ настоящей войны съ очевидной цѣлью помочь въ этомъ дѣлѣ нѣмецкому врачу... Такъ какъ дѣло идетъ о помощи раненымъ жертвамъ войны, то какъ мнѣ сообщаютъ, по свѣдѣніямъ „Leipziger Zeitung", во Франціи хотѣли имѣть эту книжку въ переводѣ и позаботились ее получить черезъ Швейцарію, но узнавъ объ этомъ германское правительство, будто бы воспретило подъ страхомъ кары по законамъ, военнаго времени вывозъ книжки проф. Шенверта изъ Германіи.

КНИГА стоитъ на высотѣ современныхъ взглядовъ и методовъ, такъ что ее смѣло можно рекомендовать, какъ для врачей полевыхъ перевязочныхъ пунктовъ и близкаго тыла, такъ и для лазаретныхъ врачей не спеціалистовъ по хирургіи.

„РѢЧЬ". 15 II. 1916. Врачъ **Л. Вас—ая.**

Книги высылаются наложеннымъ платежемъ.

КН-ВО „ПРОМЕТЕЙ“, ПЕТРОГРАДЪ,
Поварской, 10.

Очерки по исторіи всеобщей литературы

Н. МИШЕЕВА

преподавателя педагогическихъ классовъ петроградскихъ женскихъ институтовъ: Смольнаго-Александровскаго, Павловскаго, женской гимназіи Принцессы Ольденбургской и Пажескаго Е. И. В. Корпуса.

Ч. I. ГРЕЦІЯ и РИМЪ. Ц. 90 к.

Учебн. Ком. Вѣд. Учр. Императрицы Маріи ОДОБРЕНО въ качествѣ учебнаго пособія въ дополнительныхъ педагогическихъ классахъ женскихъ институтовъ и гимназій.

Ч. II. СРЕДНІЕ ВѢКА и ЭПОХА ВОЗРОЖДЕНІЯ. 1р. 25 к.

Учебн. Ком. Вѣд. Учр. Императрицы Маріи ДОПУЩЕНО въ качествѣ учебнаго пособія въ среднія учебныя заведенія Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи.

Ч. III. ЛИТЕРАТУРА НОВАГО ВРЕМЕНИ. 1 р. 25 к.

Учеб. Ком. Вѣд. Учр. Императрицы Маріи РЕКОМЕНДОВАНО въ качествѣ учебнаго пособія при прохожденіи курса исторіи всеобщей и русской литературы въ учебныхъ заведеніяхъ Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи. Учен. Ком. Минист. Народн. Просвѣщ. призналлъ настоящую книгу подлежащей включенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Ч. IV. НОВѢЙШАЯ РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА. 1 р. 50 к.

Бѣлинскій, Тургеневъ, Гончаровъ, Островскій, гр. Л. Толстой, Достоевскій.

Изданіе второе, исправленное.

Учебн. Ком. Вѣд. Учр. Императрицы Маріи ОДОБРЕНО для ученическихъ библіотекъ старшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи.

М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ.

ИЗБРАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

Выборъ и предисловіе В. Н. Ладыженскаго.
Страницъ 194. — Цѣна 25 к.

Учен. Ком. Минист. Народн. Просвѣщ. призналлъ настоящую книгу заслуживающей вниманія при пополненіи безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ.

Труды проф. С. А. Венгерова.

Собраніе сочиненій. Т. I. Героическій характеръ русск. литературы, ц. 1 р. Спб. 1911.

" " Т. II. Писатель-гражданинъ. Гоголь. С 1912, ц. 1 р. 25 к.

" " Т. III. Передовой боецъ славянофильства. К стантинъ Аксаковъ. Спб. 1912, ц. 1 25 к.

" " Т. V. Дружининъ, Гончаровъ, Писемс ц. 1 р. 50 к. Спб. 1911.

Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Критико-біографическій эт Спб. 1875—77, ц. 2 р. (*Распродано*).

Алексѣй Феофилактовичъ Писемскій. Критико-біографичес этюдъ. Спб. 1884, ц. 1 р. (*Распродано*).

Рудольфъ Гнейстъ. Исторія государственныхъ учрежденій гліи. Пер. съ нѣм. подъ ред. *С. А. Венгерова*. М. 1885, ц. 4 р. 5

Русская Поэзія. Собраніе произведеній русскихъ поэтовъ, критико-біографическими статьями, библіографич. примѣч. и т третами. Т. I (вып. 1—6). XVIII вѣкъ. Спб. 1897. Съ 23 по ц. 8 р. Вып. VII, ц. 1 р.

Русскія книги. Съ біографическими данными объ авторах переводчикахъ. Редакція *С. А. Венгерова*. Изданіе *Г. В. Юд* Спб. 1896—1898. Вышло 3 тома (А—Вавиловъ), ц. кажд. тома 50 к., съ перес. 4 р.

Основныя черты исторіи новѣйшей русской литературы. Изд. Съ приб. этюда: „*Побѣдители или побѣжденные?*“ Спб. 1909, ц. (*Распродано*).

Источники словаря русскихъ писателей. Изд. Императорской А деміи Наукъ. Т. I. (Ааронъ — Гоголь). Собралъ *С. А. Венге* Спб. 1900. (*Распродано*), ц. 2 р. 50 к. Т. II. (Гоголцкая—Карамзи Спб. 1910, ц. 4 р. Т. III. (Карамышевъ—Ломоносовъ). Петрогр 1914, ц. 3 р. 50 к.

Собраніе сочиненій Шиллера въ перев. рус. писат. Подъ *С. А. Венгерова*. Роскошное изданіе, 4 тома, ц. т. въ пер. 1 Изд. Брокгаузъ-Ефрона.

Полное собраніе сочиненій Шекспира въ перев. рус. писат. П ред. *С. А. Венгерова*. Роскошное изданіе, 5 томовъ, ц. т. въ 10 р. Изд. Брокгаузъ-Ефрона.

Полное собраніе сочиненій Байрона въ перев. рус. писат. П ред. *С. А. Венгерова*. Роскошное изданіе, 3 тома, ц. т. въ пер. Изд. Брокгаузъ-Ефрона.

Полное собраніе сочиненій Пушкина. Подъ ред. *С. А. Венге* Роскошное изд. 6 т. ц. тома въ переплетѣ 10 р. Изд. Брокга Ефрона.

Полное собраніе сочиненій Мольера. Подъ ред. *С. А. Венге* Роскошное изд. въ 2 т. ц. 10 р. въ пер Изд. Брокгаузъ-Ефр

Главные дѣятели освобожденія крестьянъ. Подъ ред. *С. А. герова*. Спб. 1903 г., ц. 2 р.

Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и учен

(*См. продолженіе на 2-й стр. обложк*

Ц. 60 к. И-2357

PG
2945
V45

Vengerov, Semen Afanas'evich
Russkaia literatura

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 10 18 06 09 013 1